

УДК 811.161.1'1

ФРЕЙМ ПОСТУПКА: ИНВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ И ВАРИАНТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ*Людмила А. Бушуева^{1, @1}*¹ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23@¹ *sebeleva@yandex.ru*

Поступила в редакцию 15.02.2017.

Принята к печати 12.05.2017.

Ключевые слова: категоризация, фрейм, слот, инвариантная модель, имя поступка.

Аннотация: В данной статье представлены результаты фреймового анализа ситуаций поступков «помощь», «благодетельство», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество». В основе исследования лежит гипотеза о том, что представления о поступках опираются на инвариантный фрейм, представляющий собой структуру, состоящую из слотов: мотив / цель, действие, агент, объект, оценка, результат. Целью исследования является показать, каким образом имена данных поступков репрезентируют данную инвариантную логико-когнитивную модель поступка. В ходе исследования функционирования имен поступков и их однокоренных лексем в речи было обнаружено, что компоненты слотов взаимосвязаны между собой и характеризуют различные стороны ситуаций поступков. Сделан вывод о том, что в ситуации разных поступков в фокусе внимания оказываются разные элементы инвариантного фрейма, что указывает на то, что фрейм поступка представляет собой сложную, многоплановую структуру, которая отражает познанный действительность с отношениями между ее элементами.

Для цитирования: Бушуева Л. А. Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 173 – 178. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178.

Проблема соотношения мысли и языка является одной из актуальных проблем, начиная с 1960-х – 1970-х гг., периодом, связанным со сменой научной парадигмы, когнитивным переворотом и становлением антропоцентрической парадигмы научного знания, в которой осознается значимость человеческого фактора в методиках научных исследований. В лингвистике антропологический подход проявляется уже в середине XIX века и связан с именами И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Л. В. Щербы, А. А. Потемби и также приходит к пониманию центрального места человеческого фактора в бытовании языка. Но нельзя сказать, что этот подход уже сформировался полностью. Сам термин «антропологическая лингвистика» объединяет комплекс весьма различных между собой теорий, концепций и направлений – в силу их общего интереса к проблеме «человек и язык».

Отношение человека и языка рассматривается и в плане диахронии, и в плане синхронии. Человеческий фактор понимается в том плане, что это не просто изучение психологических особенностей речевой деятельности индивидуума, но и взаимовлияния языка и социума, языка и этноса, языка и культуры.

Исследования в русле когнитивной лингвистики нацелены на раскрытие механизмов человеческой когниции в целом, особенностей концептуализации и категоризации.

Знание, которое человек получает в процессе познания мира, фиксируется в сознании в виде различных структур, одной из которых является категория. Очевидно, что моделирование всякой новой коммуникативной ситуации производится, как правило, путем соотнесения со знакомой ситуацией, с некоторым хранимым в памяти

стандартным ситуативным типом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации [1, с. 170]. Одной из структур такого типа является фрейм.

Знание о «поступке», несомненно, значимо для русской картины мира, так как именно поступок соединяет человека с внешним миром, реализует интенциональную сферу человека – его мотивы, цели, потребности. Поступок описывается в работах современных исследователей как событие, факт, концепт, как единица языка, с помощью которой в сознании человека фиксируется фрагмент реальности.

В данном исследовании предлагается рассмотреть фреймовую структуру поступков. Фрейм – экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [2, с. 151]. Фрейм помогает собрать воедино рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность, структурировать восприятие социального мира.

В первую очередь выделим основные признаки поступка. К существенным признакам поступка исследователи относят целенаправленность, намеренность действия, осознанность, контролируемость, нацеленность на результат, наличие в поступке оценочного компонента, преодоление нормативной границы в поведении при совершении поступка (Ф. Фичи Джусти, Н. Д. Арутюнова, С. Л. Сахно, В. Е. Гольдин, В. Н. Телия, Л. А. Бушуева).

Роль элементов поступка в различных теориях оценивается по-разному: в поступке может быть важен исключительно мотив, либо мотив не играет важной роли, имеет значение лишь само действие. Теоретики, прида-

вавшие определяющее значение последствиям поступков, считали, что достижение требуемых моралью результатов должно быть и субъективной целью человека; роль мотива в моральной деятельности, как правило, их меньше интересовала [3; 4].

Выделим основные стороны поступка в виде элементов инвариантного фрейма поступка: мотив/цель, действие, агент, объект, оценка, результат. Имена поступков по-разному репрезентируют данную фреймовую модель, так как, говоря о поступках, люди далеко не всегда разграничивают указанные выше стороны, элементы поступков.

Проследим, какие аспекты общего логико-когнитивного фрейма «поступок» конкретизируются в речевой репрезентации поступков «помощь», «благодетельство», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество» (мотив/цель/интенция – действие – агент – объект – результат/последствия – отношение). Исследование проводится на материале текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [5].

Мотив поступка

Являясь особым видом действия, поступок характеризуется целеосознанностью: это процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, подчиненный сознательной цели [6, с. 276]. На выбор того или иного мотива влияют несколько факторов: ситуация, собственная нравственная культура и система ценностей, приоритетов [7, с. 154].

В структуре поступков «помощь», «благодетельство», «геройство», «подвиг», «выходка», «проделка», «фортель», «проказа», «шалость», «выверт», «штука», «номер», «художество» мотив не является ключевым элементом, но все же он получает конкретизацию в речи.

Совершение, например, благодеяния может рассматриваться и как мотив, и как цель: желание оказать покровительство побуждает к определенному действию; в то же время определенное действие – есть реализация мотива совершить благодеяние.

Высокие цели, такие как спасение жизни человека, поиск справедливости и добра, любовь, побуждают человека к совершению героических поступков: «Один раз, когда близко засвистело и разорвалось, Федя даже и на девушку упал, вдавил ее в снег, как бы героически прикрыв собою» (Астафьев В. Рассказы (2000) // Новый Мир. 2001); «Понимаешь такая любовь, для которой совершишь любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость» (Куприн А. И. Гранатовый браслет (1911)).

Примечательно, что для поступков «благодетельство», «помощь», «геройство», «подвиг» обнаруживается сходный мотив: в большинстве случаев человеком движет долг, понимание того, что так правильно поступать, хорошо совершать поступки ради блага других людей. Например, «Еще моя вера выражается в том, что надо помогать людям, что нельзя делать подлости, что есть высшая справедливость. У человека это называется совестью, допустим, а во Вселенной это что-то другое» (Агларов А., Ципенюк О. Мне создавать хочется // Огонек. 2015), или «А русского героя, не корми, не пой – он ищет справедливости и добра» (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 26 – 51 // Новый мир, 1968).

В некоторых контекстах лексемы фрейма «помощь» могут актуализировать мотив «поступок из тщеславия»: «Очень любит помогать бескорыстно. Пожалуй, точнее так: любит помогать таким образом, чтобы, не дай бог, не вышло никакой корысти. Но в этом-то и была корысть: делая добрые дела, все время сознавать себя хорошим человеком. И Лена, учуяв маленькую слабость матери, в минуты раздражения говорила про нее Дмитриеву: ханжа. А он приходил в ярость» (Трифонов Ю. Обмен (1969)); «И мне было приятно подыграть ему, поскольку в глубине души я чувствовал себя причастным к его служебному воскрешению и оттого относился к нему гораздо лучше: ведь все мы, грешные, любим заниматься благодеяниями, которые укрепляют нас в собственных глазах» (Вайнер А., Вайнер Г. Лекарство против страха (1987)).

Примечательно, что данный мотив, который может быть охарактеризован как корыстный, связан с другим элементом общего фрейма поступка – оценкой. Благодеяние, помощь, являясь по сути положительно оценочными лексемами, употребляются в некоторых контекстах НКРЯ как имена поступков, оцениваемых отрицательно. Видится, что такая оценка связана именно с тем, что корыстные мотивы «расшифровываются» участником ситуации или наблюдателем и, как следствие, поступок получает отрицательную оценку: «По сто пятьдесят долларов он мне платит! Благодетель нашелся! А сам сколько гребешь?» (Левашов В. Заговор патриота (2000)).

Поступки «шалость», «проделка», «проказа», «выверт» могут иметь разные мотивы, но их может объединять и общий мотив: желание позабавить или позабавиться: «Он беспокоило пошевелился, взглянул на часы, ужаснулся чему-то и остался на месте, как пришитый к сиденью. – Эй, сержант... – крикнул Агей Артемию, собравшемуся каким-то новым вывертом распотешить компанию. – Мурцовку мою мне сюда, пошел! ... как из чего? Заметило, так я проясню... Из колесной мази, балда!» (Леонов Л. М. Вор. Ч. 1 – 2 (1927)); «Скажи, Аграфена, только честно: видишь ли ты Михаила Юрьевича угомонившимся, солидным в речах и поступках? Я, по правде говоря, не вижу. Он сейчас школьничает почище, чем в юнкерском училище, только поэм скабрёзных не сочиняет. И чем ему грустнее, безысходнее, тем больше проказничает. Не хочет, чтоб люди знали, что у него внутри» (Нагибин Ю. М. Заступница (1972 – 1979)).

Мотив поступка может быть непонятен участнику ситуации, но очевиден для агента поступка: например, сама ситуация не соответствует совершаемому действию или действие не согласовывается с личностью субъекта действия и т. д. При этом агент поступка может осознавать то, что движет им при совершении поступка, и эти мотивы могут кардинально отличаться от того, каким образом оценивает ситуацию тот, кто и дает поступку имена фортель, выходка, выверт, художество, номер, штука. Например, «Оказалось, мой коллега, убоявшись возможного наказания за невыполненное важнейшее задание, на всякий случай накатал на меня «телегу» в Центральный Комитет. Тогда это обстоятельство очень обидело: хочешь помочь человеку в трудный для него момент, а он, зараза, такие фортели выкидывает... Это сейчас мне ясно: не коллега мой был виноват, а система, которая воспитывала нас на забывенных

примерах Павлика Морозова и других столь же светлых образах» (Грищенко Б. Посторонний в Кремле (2004)); «Среди обычных шутов в пестрых костюмах – одна штанина красная, другая синяя, полосатая, колпак с бубенчиками или шапка с ослиными ушами, в руке погремушка с горохом, всевозможных уродцев – горбунов, гномов, колченогих, косоглазых, ласторуких, самовароподобных, блеющих, мычащих, кукарекающих, пузыри пускающих, слова путного молвить не умеющих, – попадались ражие молодцы чужеземного происхождения, скрывающие под шутовским нарядом острый ум, ядовитую злость, отвагу и литые мускулы наемных убийц. Предерзкие художества, кои они творили, пользуясь своей безнаказанностью, озадачивали даже выдавших виды придворных, из них выделялись португалец Лакоста и смуглый италянец, чье благозвучное имя Петро Мира не случайно передали в Педриллу. Темные пронзительные глаза этих авантюристов, прикрывшихся скоморошьям колпаком, повергали придворных в смятение» (Нагибин Ю. М. Остров любви (1972 – 1979)).

Действие

Основу поступка составляет действие (или бездействие в ситуации, требующей действия). В основе рассматриваемых поступков могут лежать любые действия в разнообразных сферах действительности. Все же и для благодеяния/помощи, и для геройства/подвига, и для выходки характерны действия определенного характера. Например, помощь, благодеяние совершаются в ситуации, представляющей трудности для объекта действия. Соответственно, прототипическим для помощи, благодеяния действием является оказание помощи тому, кто в ней крайне нуждается: «В отличие от этой «упакованной» дамы я очень хорошо знаю, если со мной случится беда, друзья придут на **помощь**, и никому из них не взбрдет в голову потребовать за это хоть копейку» (Донцова Д. Микстура от косоглазия (2003)) (подробнее о прототипе см. в [8, с. 250].

В основе геройства/подвига в основном лежит действие, совершаемое в ситуации риска, опасности, что объясняет особую смелость и отвагу агента поступка: «Совершил акт самопожертвования. При подходе немецко-фашистских захватчиков взорвал важный промышленный объект и сам погиб при взрыве. Люди, которые случайно сюда приходили, склоняли над камнем голову или не склоняли, а просто стояли в раздумье, полагали, что здесь действительно покоится герой, совершивший выдающийся подвиг» (Войнович В. Монументальная пропаганда // Знамя. 2000).

Подчеркнем, что иногда оценить какое-либо действие как поступок невозможно без опоры на другие элементы общего фрейма. Следующий пример иллюстрирует, что без знания результата описываемое действие трудно оценить как важное, героическое: «С самого начала бабка **услужила** отряду. Она посоветовала: – Слушай-ка, начальник! Коли силы у вас нехватка, давайте-ка сведу вас под лесную ушиту <...> Кончилось тем, что наш отряд пополнился, а поручик с остатками роты еле ноги уволок, и пулемет у него – со сковородкой-то – отбили. По тому времени это штука немаловажная была» (Бажов П. П. Дорогой земли виток (1948)).

Любые действия, оцениваемые как непредсказуемые и вызывающие недоумение, удивление из-за их несоот-

ветствия ситуации или личности агента поступка, получают имена *выходка, штука, фортель, номер, художество, выверт, штука*. Например, «Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться... Хотя, пожалуй, могло случиться и такое, ведь сразу подумал командир, на войне случается разное, вся она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать» (Быков В. Болото (2001)); «Никто из односельчан и подумать не мог, что тихий Витя Боровик сможет «выкинуть такой фортель» (Жунусов О. Хозяин тайги, Матрос-беглец провел в лесу почти три солдатских срока // Известия, 2001).

Действия, противоречащие установленному порядку, обозначаются лексемами *художество, номер, шалость, проказа, проделка*. Они также могут не соответствовать ситуации и личности человека, их совершающего, но ключевым признаком является именно «поступок, нарушающий порядок»: «– Ну хорошо, – твердо сказал Новожилов. – С этим мы разберемся. У тебя все, Федулов? – Нет, не все. За товарищ Минину и другие **художества** водятся. Начальник милиции довольно крякнул. – Тихо, товарищи, – поднял руку Новожилов. – Говори, Федулов» (Абрамов Ф. Братья и сестры (1958)); «Я давно хотел тебя спросить. Ты почему это / проказник / во время службы ведешь себя неподобающе? По уставу молиться-то надо. А если каждый по-своему начнет / это че ж тогда такое будет? Это так от церкви ничего и не останется» (Лунгин П., Соболев Д. Остров, к/ф (2006)); «Знать о нем полагалось, смотреть на него было запрещено. Однако в юности Данилов из любопытства и озорства нарушал запреты (повзрослев, узнал, что нарушение иных запретов поощряется). Но запрет на Большого Быка был слишком серьезный. Именно своей серьезностью он и подтолкнул Данилова к рискованной проказе» (Орлов В. Альтист Данилов (1980)).

Агент

В случае всех рассматриваемых в рамках данной статьи поступков выделяются общие прототипические характеристики агентов: агент поступков *помощь / благодеяние* – это милосердный/добрый человек, желающий облегчить участь кого-либо, находящегося в трудном положении (благодетель в отличие от помощника еще и обладает возможностью помогать). Например, «Спасибо дорогие родители. Да еще и новая школа одна чего стоит. Друзей в такой ситуации не выбирают. Кто пришел тебе первым на помощь, тот и друг. Автоматически. Тот, в ком оказалось достаточно сострадания» (Геласимов А. Фокс Малдер похож на свинью (2001)); «Если человек от природы добр и у него есть возможность близким оказывать всяческие благодеяния, то, конечно, э... грешно ему будет, если он свою доброту, этот талант, данный от Бога, зароеет в землю, не будет никому помогать, а имение всё тратить на себя» (Протоиерей Димитрий Смирнов. Ответы слушателям радио "Радонеж" в прямом эфире на вопросы о вере и спасении. Ч. 4 (2005 – 2006). Режим доступа: <http://tv.radonezh.ru/audioarhiv01/smirnov/>).

Агент поступков *геройство/подвиг* смел и мужествен: «– Геройский человек, ничего не боится, прямо

с камня в этот кипяток прыгает, а когда-нибудь его обязательно утащит» (Домбровский Ю. О. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)).

Агент поступков «выходка», «проделка», «фортель», «номер», «шалость», «проказа», «художество» человек, обладающим веселым нравом, любознательностью, склонностью к авантюрам. Данные черты ассоциируются в первую очередь с молодостью и беспечностью, что объясняет тот факт, что поступки осознаются как типичные для юного человека, ребенка. Если же поступок совершается взрослым человеком, то удивление он вызывает именно потому, что представляется нехарактерным для человека зрелого возраста. Например, «*Потом на какое-то мгновение появился ваш муж, и свет погас. А я все стоял и стоял. Мне страшно было уйти. Ах вы проказник! Как только не стыдно. Седой человек, а ведете себя, как мальчик*» (Шишкин М. Всех ожидает одна ночь (1993 – 2003)); «*Впрочем, в описываемую пору Пилухину было уже не до шалостей: подступал возраст*» (Крылов К. Мертворожденный // Русская жизнь, 2012); «*А потом на протяжении семи лет рядом со мной был взбесившийся капризный ребенок, который в любую минуту мог выкинуть любой фортель, и за которым надо было постоянно присматривать и систематически испытывать крайне неприятные минуты острого стыда за его поступки*» (Маринина А. Чужая маска (1996)).

Объект

Элемент «объект поступка» актуален для поступков «помощь», «благодетельство», так как они всегда направлены на кого-либо, кто находится в затруднительном положении. В некоторых случаях это может быть один человек, иногда все общество или страна: «*Я хотел благодетельствовать мою страну, хотел сделать всех людей счастливыми*» (Чарская Л. А. Король с раскрашенной картинкой (1912)); «*Хороший человек всегда окажет помощь человеку, если он тонет*» (Атасов С. 1000 золотых анекдотов (2003)).

Объект поступков «геройство»/«подвиг», напротив, представлен в речи нерегулярно: в большинстве контекстов этот элемент поступка отсутствует. Несомненно, для геройства также значима направленность на кого-либо, кто находится в крайне затруднительном положении: *друг/друзья, любимый/любимая, Родина, народ, человечество, незнакомец*.

Для поступков фрейма «выходка» неактуальна нацеленность на объект. В структуре данных поступков в фокусе внимания находятся другие элементы, а именно действие и оценка, в меньшей степени – мотив.

Результат

По С. Л. Рубенштейну, «посредством поступка человек устанавливает свое отношение к другим и сознательно изменяет окружающую действительность» [9, с. 602]. Предположительно, поступок ведет к формированию новой объективной / субъективной социальной реальности.

Контекстуальный анализ имен поступков свидетельствует о том, что некоторые поступки, действительно, осознаются как те, которые ведут к значимым изменениям в обществе, и память о них остается в истории. Это справедливо для поступка «подвиг». Например, «*От гордости за подвиг, после которого генералы рассчитывают на бессмертие*» (Джин Н. Учитель (1980 – 1998)); «*И тогда он понял, что слухи о его подвиге окатили город ожи-*

данием освежающих перемен. Он уже вытирал всю свою водку и чувствовал себя великолепно. Со всех сторон ишалычной люди глядели на него с восхищением. Даже мое небольшое сопротивление режиму, вдруг подумал он, воодушевило город» (Искандер Ф. Поэт // Новый мир, 1998); Пословица «*За великими подвигами великая известность*» также конкретизирует последствия подвига.

Применительно к другим рассматриваемым в данном исследовании поступкам, можно говорить лишь о предполагаемых последствиях. Очевидно, называя поступок *геройством*, участник ситуации или наблюдатель оценивает не результат, а действие (смелое, самоотверженное, решительное), мотив, готовность к самопожертвованию.

Результат, как правило, связан и с агентом поступка, и с его объектом, и они не всегда совпадают. Результат может быть благоприятным для объекта поступка и негативным для агента поступка: «*Прошу Вас, милостивая государыня, письмо мое тотчас уничтожить. Я человек маленький, а коли сведают, что г-ну Лермонтову услужил, полный мне фиаско выйдет...*» (Нагибин Ю. М. Заступница (1972 – 1979)); «*Босаякие элементы озлобленно говорили о Гавриле, находя в нем общие, по их мнению, для крестьян черты, – от жадного, говорили они, можно всего ожидать, в том числе и предательского убийства, как это хотел Гаврила сделать с благодетельствовавшим его Челкашом; в противоположность им по преимуществу крестьяне-безработные, не защищая Гаврилу, а даже порицая его, критиковали и Челкаша, который ворует и все пропивает – ни себе, ни людям*» (Каганович Л. М. Памятные записки (1991)).

Оказанная помощь может причинить вред и объекту поступка: «*Общий колорит этого случая настолько симпатичен, что невольно хочется оказать Коле помощь и удовлетворить его неясные желания. Многие так и делают. Я много видел таких благодетельствованных мальчиков. Из этих мальчиков редко получается какой-нибудь толк*» (Макаренко А. С. Книга для родителей (1937)).

Напротив, в структуре поступков фрейма «выходка» результат является значимым элементом и получает конкретизацию в значительном количестве контекстов НКРЯ. Неоспоримым признается то, что проделки, шалости, проказы и т.д. требуют наказания или, по крайней мере, порицания: «*Двое уже получили за эту шалость / хорошо получили / от души*» (Говорухин С. и др. Ворошиловский стрелок, к/ф (1999)); «*Как вы сами знаете, моей дочери там уже не оказалось, зато эта Курносова, дрожа и влажно хлопая глазами, пролетела мне что-то о том, что Валерия куда-то ушла, а мне оставила письмо и наказала обязательно передать, стоит мне только к ним заглянуть... а если не загляну, то отнеси утром письмо мне домой... одним словом, я сел у стола, разорвал конверт и начал читать. Я, когда разрывал конверт, подумал, что всякому терпению есть предел и за эти художества она у меня получит*» (Абрагамовский А. Часовщик // Наука и религия, 2007).

Результат поступка связан с оценкой. Вероятно, что поступки фрейма «выходка» в большинстве случаев оцениваются отрицательно в какой-то степени из-за предполагаемого негативного результата. Например, «*Но при поиске таких мест возникла другая проблема – страшнейшая конспирация, так как в нашей делегации*

были люди, которым явно было поручено оберегать нас от шальных поступков, не доводить до ЧП, в результате которого пострадали бы не только мы, но и те, кто нас посылал» (Козлов А. Козел на саксе (1998)); «Сначала он немного оробел, знаете, как уличный мальчишка перед милицией, но когда до него дошло, что пришли за отцом, он начал грубить милиционерам, хамил, стоял в дверях, не давал пройти, толкался, вытворял свои мальчишеские штуки, и, не прикрикну я на него, дело могло обернуться плохо» (Рыбаков А. Тяжелый песок (1975 – 1977)).

Оценка

По справедливому замечанию В. Е. Гольдина, главное в содержании имен поступков – характеристика-оценка, причем оцениваются и именуется не сами конкретные действия, а воплощенные в них поступки [10, с. 26]. Имена поступков отличаются от имен действий тем, что содержанием поступка становится оценка с этической или нормативной точки зрения [11, с. 146].

Оценка значима в структуре всех рассматриваемых поступков. Положительная оценка уже включена в значение единиц *благодаяние, помощь, героизм, подвиг* и их однокоренных лексем.

Сочетаемость лексем фрейма «выходка» указывает на то, что соответствующие поступки оцениваются с разных сторон, но все определения дают оценку поступка а) с точки зрения закона (проделка: *противозаконная, мошенническая, бандитская, незаконная, грабительская*; выходка: *экстремистская, антисемитская*), б) другие – моральную оценку (проделка: *подлая, жестокая, пакостная, коварная, бессовестная, безответственная, отвратительная, каверзная, грязная, гнусная, злая, предательская, плутовская, мелочная, легкомысленная, некрасивая, невинная, хладнокровная*; выходка: *оскорбительная, злая, аморальная, порочная, хамская, беспардонная*), в) некоторые делают акцент на интенсивности действия (проделка: *ловкая, лихая, дерзкая*; выходка: *необузданная, эксцентричная, дикая, диковатая, кровавая, дерзкая*), г) другие – на рациональности действия (проделка: *глупая, удачная, неуместная, сомнительная*; выходка: *глупая, безумная, необъяснимая, дурацкая, нелепая*).

Тем не менее для всех имен поступков характерна вариативная оценочность. В некоторых контекстах лексем, для которых характерна положительная оценка, могут актуализировать признаки отрицательного поступка: «Домовой не на шутку вскипел: – Выискался благодетель! – Многие, подобные тебе, не стоят и моего когтя, – холодно сказал Мури» (Бояшов И. Путь Мури (2007)); «Вы ненормальный / что ли? Что за ге-

ройство такое? Вы почему в лаз не прыгнули?» (Янковский Ф., Акунин Б. Статский советник, к/ф (2005)); «Майор Шикин наставительно просит остальных девушек, увидевших падение подруги, в этом случае оказать ей товарищескую помощь, а именно: откровенно сообщить майору Шикину о произошедшем» (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 1 – 25 (1968) // Новый мир, 1990).

Поступки, которые изначально осознаются как отрицательные, могут получать положительную оценку в узком контексте: «Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться... Хотя, пожалуй, могло случиться и такое, вдруг подумал командир, на войне случается разное, вся она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать» (Быков В. Болото (2001)).

Таким образом, исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в речи ситуацию поступка могут представлять не только сами имена поступков, но и отдельные компоненты этой ситуации, например, имена агентов действия (*герой, благодетель, помощник, проказник* и др.).

Во-вторых, в основе представлений о поступках лежит регулярно реализуемый в речи инвариантный фрейм, слотами которого являются мотив, действие, агент, объект, оценка, результат. Опорными точками представлений об определенных поступках являются прототипические референты (прототипические мотивы, прототипические действия, прототипические агенты и т. д.).

Слоты этой модели неравномерно объективированы в речи применительно к разным поступкам. Мотив, результат, объект поступков получают дискурсивное выражение реже, чем агент, действие, оценка поступков. По всей видимости, слоты «агент поступка», «действие, лежащее в основе поступка», «оценка поступка», являющиеся наиболее репрезентированными на уровне речи, следует признать опорными, центральными в концептуальной модели описываемых поступков.

Примечательно, что при активизации одного из элементов фрейма могут активизироваться и другие элементы (например, действие может быть расценено как геройский поступок только при осознании его мотива или результата). Это свидетельствует о том, что выделенные слоты существуют не изолированно друг от друга, а представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментального комплекса, фрейма поступка.

Литература

1. Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 200 с.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
3. Бентам И. Избранные сочинения Иеремия Бентама. СПб.: Типография и Литография Н. Тиблена и Ком, 1867. Т. 1. 745 с.
4. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
5. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 01.02.2017).
6. Леонтьев А. Н. Категория деятельности в психологии // Хрестоматия по курсу Введение в психологию: учебное пособие / ред. и сост. Е. Е. Соколова. М.: Российское психологическое общество, 1999. С. 462 – 476.
7. Эфендиев А. Г. Общая социология: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2000. 654 с.

8. Бочкарев А. Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: PRO ET CONTRA // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 249 – 254.

9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.

10. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. С. 23 – 34.

11. Бушуева Л. А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языке // Вестник Саратовского технического университета. 2006. № 2. С. 143 – 147.

THE ACT FRAME: THE INVARIABLE MODEL AND VARIANTS OF ITS ACTUALIZATION

Lyudmila A. Bushuyeva^{1, @1}

¹Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 23, Gagarin Pr., Nizhny Novgorod, Russia, 603600

@¹sebeleva@yandex.ru

Received 15.02.2017.

Accepted 12.05.2017.

Keywords: categorization, frame, slot, invariable model, name of act.

Abstract: The article presents the results of the frame analysis of the situations of such acts as “help”, “benefaction”, “heroism”, “exploit”, “prank”, “antic”, “trick”, etc. The research is based on the idea according to which the conceptualization of acts is linked with the invariable frame, which is a structure built by the following elements: aim, action, subject, object, valuation, result. The aim of the paper is to show how the names of the acts represent this invariable frame model of an act. In the analysis of the names of acts and their cognate words in speech it was revealed that the elements of the slots are interrelated and characterize different aspects of the situations of acts. The conclusion was made that in different situations various elements of the invariable frame can come into the focus of attention. The research shows that the frame of act is a complex, multidimensional category, which reflects the world and relations between its elements.

For citation: Bushuyeva L. A. Freim postupka: invariantnaia model' i varianty ee realizatsii [The Act Frame: the Invariable Model and Variants of its Actualization]. *Vestnik Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (2): 173 – 178. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178.

References

1. Bochkaev A. E. *Semanticheskii slovar'* [Semantic dictionary]. Nizhni Novgorod: DEKOM, 2003, 200.
2. Minsky M. *Freimy dlia predstavleniia znaniia* [Frames as categories of knowledge]. Moscow: Energiia, 1979, 151.
3. Bentham J. *Izbrannye sochineniia* [Selected works by Bentham J.]. Saint-Petersburg: Tipografiia i Litografiia N. Tiblena i Kom, vol. 1 (1987): 745.
4. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia* [Games of focus in a language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 320.
5. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian language national corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 01.02.2017).
6. Leont'ev A. N. *Kategoriia deiatel'nosti v psikhologii* [The category of action in psychology]. *Khrestomatiia po kursu Vvedenie v psikhologiiu* [Introduction into Psychology reader]. Ed. and comp. Sokolova E. E. Moscow: Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo, 1999, 462 – 476.
7. Efendiev A. G. *Obshchaia sotsiologiia* [The general sociology]. Moscow: Infra-M, 2000, 654.
8. Bochkaev A. E. K probleme kategorizatsii v teorii prototipov: PRO ET CONTRA [To the question of categorization in the prototype theory: PRO ET CONTRA]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1 (2015): 249 – 254.
9. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [The basics of general psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 712.
10. Gol'din V. E. *Imena rechevykh sobytii, postupkov i zhanry russkoi rechi* [The names of speech events, acts and the genres of the Russian speech]. *Zhanry rechi* [The genres of speech]. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra «Kollledzh», 1997, 23 – 34.
11. Bushuyeva L. A. *Imena postupkov i svyazannye s nimi otsenki v russkom i angliiskom iazyke* [The names of acts and values connected with them in the Russian and English languages]. *Vestnik Saratovskogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov state Technical University*, no. 2 (2000): 143 – 147.